

мірнага супрацоўніцтва з Польшчай. Аднак, нягледзячы на адмоўны іх вынік, адзначаныя савецка-польскія стасункі сталі неабходнай базай для заключэння паштова-тэлеграфнай канвенцыі ў маі 1923 г. і актывізаваліся перагаворы па складанні санітарнай канвенцыі (падпісана 7 лютага 1923 г.). Таксама быў праведзены ў адпаведнасці з дадатковым пратаколам да Дагавора аб рэпатрыяцыі персанальны абмен у 300 чалавек [1, с. 514]. Узнавілі сваю працу Польшка-расійска-ўкраінская рээвакуацыйная камісія і Узгаднёная камісія па ліквідацыі пагранічных інцыдэнтаў.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што Гаагская канферэнцыя павінна была абмеркаваць прэтэнзіі краін Антанты да Савецкай дзяржавы, звязаныя з нацыяналізацыяй уласнасці замежных уласнікаў і ануляваннем даўгоў царскага, Часовага ўрада, пытанне аб крэдытах, па сутнасці, не было прынята ніякіх рашэнняў. Прадстаўнікі краін Антанты адвергнулі ўсе прапановы савецкай дэлегацыі, накіраваныя на міжнароднае супрацоўніцтва, адмовіліся абмяркоўваць пытанне аб крэдытах, настойвалі на звароце нацыяналізаванай маёмасці яго былым уладальнікам. Гэтыя патрабаванні савецкая дэлегацыя рашуча адхіліла. Перыяд правядзення канферэнцыі супаў з этапам нармалізацыі савецка-польскіх адносін, якія выліліся ў шматлікія двухбаковыя сустрэчы, у ходзе якіх былі заключаны паштова-тэлеграфная і санітарная канвенцыі.

Крыніцы і літаратура:

1. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – М.: Госполитиздат, 1959. – 702 с.
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – Т. 5: 1 января 1922 г. – 19 декабря 1922 г. – М.: Госполитиздат, 1961. – 786 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / под ред. С. Вроньского. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – Т. 4: апрель 1921 г. – май 1926 г. – 560 с.
4. Мезга, Н.Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н.Н. Мезга ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
5. Ольшанский, П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924 гг. / П.Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1974. – 285 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 163. Д. 296.

**ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВОПРОСЕ
О ПОЛОЖЕНИИ УКРАИНЦЕВ В ПОЛЬШЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.**

Е.Н. Дубровко (Гомель)

В рамках становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений проходил процесс территориального оформления восточных границ Польши. Он завершился в марте 1923 г. подписанием решения Конференции послов союзных держав в Париже о международном признании этих границ по линии, обозначенной в тексте Рижского мирного договора 1921 г., и далее на север – по линии раздела нейтральной полосы между Польшей и Литвой, указанной Советом Лиги наций 3 февраля 1923 г. [1].

В результате этого в составе Польши оказались закреплены территории исторических областей Восточной Галиции, части Подолья до реки Збруч и западной части Волыни, где проживало украинское население.

На международном уровне права национальных меньшинств и обязательства польского правительства по отношению к ним были зафиксированы в тексте договора, получившего известность как Малый Версальский договор, подписанного 28 июня 1919 г. между Польшей с одной стороны, и США, Великобританией вместе с доминионами, Францией, Италией и Японией – с другой. Страны-подписанты исходили из необходимости оформить решение этого вопроса в связи с вхождением в состав Польши ряда земель Германской империи с проживавшим там непольским населением, а также с учётом того, что не установленные Версальским мирным договором границы Польши должны быть определены названными союзными державами позже [9]. Таким образом, с марта 1923 г. действие этого договора распространилось и на украинское население Польши, вопрос о положении этого национального меньшинства в польском государстве однозначно приобрёл международный статус.

Учитывая значительную роль, которую Великобритания играла в международных отношениях в годы становления и функционирования Версальско-Вашингтонской системы, представляется актуальным выявить позицию этого государства в вопросе о положении украинского населения в Польше в первой половине 1920-х гг., когда у власти сменились представители всех ведущих политических партий.

В ходе Парижской мирной конференции, когда в связи с обсуждением потенциальных границ польского государства на юго-востоке встал вопрос о судьбе Восточной Галиции, британский премьер-министр либерал Д. Ллойд Джордж высказывался против передачи этого региона Польше, заявляя, что это пренебрежение этническим принципом, попытка поляков получить доступ к восточногалицийской нефти [5, р. 408–412]. Английская делегация согласилась лишь на временную оккупацию этого региона Польшей с целью не допустить продвижение войск Красной Армии в восточном направлении. Она также указывала на необходимость проведения в ближайшее время плебисцита [7, с. 375–376].

После окончания польско-советской войны и подписания Рижского мирного договора в британском ведомстве иностранных дел утвердилось мнение о возможности оставить населённые украинцами территории в составе Польши, однако при условии предоставления автономии Восточной Галиции. Британские дипломаты ссылались при этом на то, что Советская Россия сама отказалась от этой территории, а реализация национально-государственных устремлений украинского населения затруднена, «потребует военных действий» [4, р. 127–129, 138, 268–271]. Тем не менее включение в состав Польши территорий, заселённых украинцами, при том, что часть таких же по этническому составу территорий осталась к востоку от польской границы, оценивалось, в частности в военном ведомстве, как фактор, который мог в будущем спровоцировать наступление Красной армии в западном направлении [8, р. 5]. Поэтому только после прихода к власти

консервативного кабинета Э. Бонар Лоу в условиях обострения международной ситуации на фоне Рурского кризиса Великобритании согласилась, во многом в качестве уступки союзной Франции Польше, на признание её восточных границ. При этом не предоставлялись гарантии их неприкосновенности и в преамбулу документа о признании по настоянию Великобритании был введён пункт об обязательстве Польши обеспечить автономию Восточной Галиции [4, р. 775–777, 783–784.]. Однако и наличие такой оговорки не предотвратило критику этого решения правительства со стороны оппозиционных депутатов-лейбористов и независимых либералов. В публицистических работах, подготовленных в их кругах, передача этого региона Польше характеризовалась как санкционирование там «ига» и «ужасов польского террора» [10, р. 4]. Как показывают рапорты польских представителей из Лондона, британское внешнеполитическое ведомство проявляло озабоченность ростом обращений депутатов от оппозиции в связи с восточногалицийским вопросом [1, s. 286–290.].

Учитывая такую ситуацию, приход к власти лейбористского Кабинета в начале 1924 г., как писал британский дипломат Р. Липер новому премьер-министру Р. Макдональду, вызывал в Варшаве уверенность, что Лондон начнёт проявлять «более критическое отношение к проблеме национальных меньшинств в Польше». Давая свою оценку названной проблеме, он отмечал, что в Польше присутствовало мнение о присущем России стремлении к панславизму, при этом польское государство пыталось стать противовесом России в этом, стремясь привлечь к себе славянские народы: «Хорошее отношение к нацменьшинствам может привлечь белорусов и украинцев за границами Польши, и это поможет в деле соперничества с Россией». По мнению Р. Липера, насущными были проблемы организации местного самоуправления и учреждения национального университета, «чтобы оттянуть их (представителей нацменьшинств – Е. Д.) от политической агитации» [3, р. 732].

Весной 1924 г. в Польшу была направлена английская миссия, чтобы изучить положение в регионах, где проживало украинское население [11, s. 270]. В мае 1924 г. её глава Р. Липер представил рапорт по результатам поездки в Восточную Галицию и Волынь. По его оценкам, в Волыни украинское национальное сознание было ещё в зачаточном состоянии. Здесь вопрос о политической автономии пока не стоял. Однако польская администрация, по мнению дипломата, совершала ошибки при организации управления здесь: допущение религиозных столкновений между католиками и православными, военная колонизация и недостаточное внимание к образовательным нуждам украинцев [3, р. 785]. В Восточной Галиции, по его же оценке, проблема враждебности к польскому правительству более неотложная, так как там национальное сознание более развито и нужно предпринимать более активные меры, чтобы удовлетворить требования украинцев. При этом Р. Липер отметил, что местные украинцы отвергают любые меры, называя их неадекватными, и продолжают забрасывать союзников и Лигу наций петициями «в напрасной надежде таким образом совершить чудо» [3, р. 786].

В ответ на полученную информацию в конце июня 1924 г. премьер-министр Р. Макдональд, занимавший одновременно пост главы внешнеполитического ведомства, посчитал необходимым изложить британскому послу в Варшаве У. Макс Мюллеру концепцию политики британского правительства в отношении украинской проблемы в Польше. Он указал, что Великобритания получает многочисленные петиции с изложением бедствий украинского народа, стремящегося, чтобы Великобритания вмешалась и заставила польское правительство не только пойти на маленькие уступки, но и принять шаги для предоставления им полной автономии. Однако «не вина британского правительства», что надежды украинцев на автономию не сбылись; упоминание автономии в преамбуле решения послов от 15 марта 1923 г. является декларацией и не предполагает дипломатического давления на Польшу [3, р. 793]. Что касается Малого Версальского договора, то его задачей Р. Макдональд считал «защиту местных крестьян от плохого обращения, а не поддержку пропаганды со стороны интеллигенции, которая может привести к беспорядкам и нестабильности». Он подчёркивал, что действительная цель Великобритании – помочь польскому правительству избежать беспорядка, при этом нацменьшинства не должны считать, что лишены возможности добиться справедливости. С другой стороны, следовало избегать вмешательства в «сомнительные вопросы, которые касаются небольшого количества людей», проявлять осторожность, не расширять гарантии, зафиксированные в договоре, поэтому, например, создание национального университета не являлось проблемой Великобритании. Британский премьер-министр рекомендовал послу «неофициальными беседами и советами подталкивать польское правительство к созданию эффективной системы управления», необходимой для развития сельского хозяйства в регионе [3, р. 794–795]. Показательна и оценка главой британского Кабинета политики Польши в отношении проблемы украинского национального меньшинства: «к сожалению, кажется сомнительным, что поляки решат эту проблему мудро. Они не только пока малоопытны в искусстве управления, но и находятся под большим влиянием крайнего национализма» [3, р. 794].

После возвращения к власти в Великобритании консервативного Кабинета в ноябре 1924 г. проблема украинского меньшинства в Польше вновь стала поводом для критических высказываний в адрес правительства со стороны оппозиционных депутатов парламента. Главе британского внешнеполитического ведомства приходилось признавать, что к нему поступали доклады об отношении к украинскому меньшинству в Польше, и «украинские жители Польши, без сомнения, в прошлом подавали искренние жалобы; но они не были такими, которые могли бы быть эффективно удовлетворены каким-либо вмешательством Лиги Наций» в рамках подписанных договоров [6].

Как видим, позиция Великобритании по вопросу о положении украинцев в Польше в первой половине 1920-х гг. была исключительно прагматичной: он использовался во внутривнутриполитической борьбе, но во внешней политике сменявшихся кабинетов сохранялась преемственность в его отношении.

Источники и литература:

1. Archiwum Act Nowych (Warszawa). – Zespół 463. Sygn. 61.
2. Decision taken by the Conference of ambassadors with regard to the eastern frontiers of Poland, Paris, March 15, 1923 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.worldlii.org/int/other/treaties/LNTSer/1923/36.html>. – Date of access: 13.04.2022.
3. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. W.N. Medlicott. – London : His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – 970 p.
4. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. R. Butler. – London : His Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – 1026 p.
5. Papers relating to the foreign relation of the United States. 1919. The Paris peace conference : in 13 vol. / Department of state. – Washington, 1943. – Vol. 4. – 880 p.
6. Poland (treatment of Ukrainians). 13 May, 1925 [Electronic resource] // House of Commons Debates. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/may/13/poland-treatment-of-ukranians>. – Date of access: 13.04.2022.
7. Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały : w 3 t. / red. K.R. Bierzanek. – Warszawa, 1967. – T. 2. – 483 s.
8. The military situation in Russia, Caucasia, Turkey and Greece. Memorandum by the secretary of state for war, 19th February, 1921 [Electronic resource] // The National Archives. – Mode of access: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7737111>. – Date of access: 15.04.2022.
9. Traktat między głównymi mocarstwami sprzymierzonymi i stowarzyszonymi a Polską Wersal, 28 czerwca 1919 [Electronic resource]. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20140308135112/http://electronicmuseum.ca/Poland_between_Wars/paris_peace_conference/paris_poland_pl.html. – Date of access: 13.04.2022.
10. Wedgwood, J. C. The future of the Indo-British commonwealth / J. C. Wedgwood. – London : Theosophical Publishing House, 1921. – 251 p.
11. Zurowski, M. The British Foreign office and Poland's Eastern minorities, 1918–1941 / M. Zurowski // The Ukrainian Quarterly. – 1990. – № 3. – S. 262–281.

**ДА ПЫТАННЯ АБ УРЭГУЛЯВАННІ МЯЖЫ
ПАМІЖ БССР І УССР У 1924–1927 гг.**

А.В. Бараноўскі (Мінск)

Актам гістарычнай справядлівасці стала ўз'яднанне ў 1924 г. і 1926 г. усходнебеларускіх тэрыторый з БССР. Афармленне дзяржаўнай мяжы Беларускай рэспублікі з РСФСР, у адрозненне ад урэгулявання мяжы з УССР, грунтоўна адлюстравана ў айчынай і замежнай гістарыяграфіі. Фарміраванне ж беларуска-ўкраінскай мяжы да апошняга часу заставалася маладаследаваным як беларускімі, так і ўкраінскімі навукоўцамі. Сёння праблема фарміравання мяжы паміж БССР і УССР у 1918–1939 гг. адлюстравана ў публікацыях беларускіх гісторыкаў С. Хоміча [4, с. 279–282], М. Стравойтава [3], Д. Юрчака [5, с. 119–130], украінскага гісторыка права Р. Губаня [2] і іншых даследчыкаў, і тым не менш, асобныя аспекты дадзенай праблемы яшчэ патрабуюць даследавання.

Вясной 1924 г. кіраўніцтвам УССР было ўзнята пытанне аб урэгуляванні беларуска-ўкраінскай мяжы [7]. У красавіку 1924 г. па ініцыятыве кіраўніцтва Украінскай рэспублікі Прэзідыумам ЦВК СССР была створана спецыяльная камісія па ўрэгуляванні мяжы паміж РСФСР і УССР пад старшынствам А. Чарвякова. На пасяджэнні гэтай камісіі 1 ліпеня 1924 г.